

Израиль глазами зарубежных гостей

Могу смело утверждать, что не существует ни одного русскоязычного источника массовой информации, не публиковавшего бы периодически путевые заметки своих корреспондентов по Израилю. С тем лишь отличием, что крупные издания могут позволить себе специальные репортажи, тогда как издания поменьше публикуют заметки людей, посетивших страну в рамках каких-нибудь программ по обмену чего-либо там. Благо Израиль, заботясь о непредвзятом отношении к событиям в стране и во всём регионе, постоянно организует нечто подобное для представителей диаспоры и не только для них.

Я тоже хочу поделиться своими собственными путевыми заметками об этой удивительной стране, куда отправился в обычный отпуск. А так как поездка была абсолютно семейная с посещением всевозможных родственников, друзей и знакомых, то и впечатления о ней соответствующие.

Итак, всё начиналось в аэропорту Берлина, где к моему некоторому удивлению отсутствовали знакомые по прежним поездкам меры предосторожности: ни особенных проверок с долгими расспросами, ни вооружённых военных, ни сопровождающей бронемшины на взлёте. «Расслабились израильтяне», - подумалось мне, но об этом чуть позже. Аэропорт Бен-Гурион - современный, хорошо организованный, чистый и совершенно спокойный. Правда, при паспортном контроле две очереди: одна - короткая и быстрая для «синекожих» израильских «паспортин», а вторая - бесконечная для «командировочных и гостей столицы».

Странно, наверное это мои семитские и честные глаза тому виной, но нас вдруг выдёргивают из общей очереди и отправляют в обход неё к скучающей девушке в пустующем окошке для аборигенов. «Куда?» - «Ришон». «К кому?» - «Мишпах». «Зачем?» - «Холидей», - выдыхаю я. Она что-то клацает там у себя на компьютере, но я чист перед законом и родиной предков, и вскоре мы выпархиваем в зал прямо в объятия наших родственников. Попутно успеваю заметить, что лица встречающих в аэропорту уж очень все славянские, да и таблички с именами все как на подбор на «великом и могучем», несмотря на то, что одновременно с нами вместе прилетели самолёты из Милана, ЮАР, Канады и ещё откуда-то из совсем экзотического.

Наши четвероюродные родственники живут в самом центре Израиля, в элитном районе для небедных, они приехали сюда сто лет назад, дочь вышла замуж за коренного (калерованного) израильтянина, родила кучу детей, организовала овощную фирму и теперь торгует травами с полмиром и вполне благополучна. Из-за нашего плотного графика, а также по взаимной телефонной договорённости, мы не поехали к ним домой, а нас пригласили в «самый израильский ресторан из всех израильских в Израиле», ориентированный исключительно на местную публику. Длинные деревянные столы тёмно-коричневого цвета и такие же деревянные лавки - не верится, что сюда надо было бронировать места за две недели, и это ещё в рабочий день. Зато колоритный хозяин, встречающий нас на пороге, и снующие между столами как на подбор молодые красотки всех мастей и окрасок, смотрятся интригующе, как глаза самих официанток. Сначала вода со льдом, так принято. Смешно, но её и пьют, ею же гости и ополаскивают лицо. Нас не спрашивают о заказе, мы договорились заранее - всё только местное, классически-израильское: закуски, салаты, антипасты, местное нефилтрованное пиво. У моей

дочери кулинарный шок, она толкает меня под столом и требует куриный шницель с картофелем фри. У хозяина удивлённо взмываются брови, но уже через несколько минут на столе у неё кусок мяса размером с полкоровы и гора картошки с литром кетчупа. Мы же в это время балуем свои неприхотливые немецкие желудки всякими вкусностями: салаты с невиданными овощами, всевозможные хумусы и десятки видов маслин, наполненных сырными пастами всех сортов, какие-то невероятно вкусные запечённо-поджаренные кусочки мяса в *неизвестно-из-чего соусах*, комбинации мяса, овощей и даже круп. А ещё хлеб пяти сортов, который макают прямо в общую тарелку с едой. И всё это на нас девятерых в количествах, равных, наверное, недельному рациону всей израильской армии в целом. Моя дочь уже поняла, что погорячилась, скромно и незаметно переставляет свою тарелку с надкусанным в двух местах шницелем в мою сторону и уже уплетает местные яства за обе щеки, равно, как и её многочисленные пятиюродные израильские братья, не говорящие ни слова по-русски. Кофе мы пьём уже на террасе, и тут у моей дочери случается теперь уже культурный шок: по улицам разгуливают вооружённые люди, среди которых немало девушек с автоматами. Страх перед человеком с оружием сменяется после разъяснения любопытством, но... нам некогда, нам пора, мы спешим на север, у нас строгий график, предварительно расписанный ещё в Германии буквально почасово.

Машина была забронирована заранее, нам не мешают даже их мелкие еврейские штучки типа «у нас в Израиле ваша оплаченная немецкая страховка ничего не значит, берите нашу, или мы ни за что не отвечаем», или «ну и что, что машина не та, которую заказывали; ваша будет только завтра. Хотите подождать?» Нет, ждать мы не хотим, берём, что есть, и уже несёмся на север по отличным израильским дорогам мимо Тель-Авива с его многоэтажным современным Сити и бесконечными пригородами для богатых типа местных Рублёвок: Нес-Циона, Реховот, Ришон-Лецион. Кстати, на автобанах здесь не принято лихачить, на каждом углу видеокамеры, и после двух приличных штрафов за превышение скорости лишают прав с обязательной пересдачей всех экзаменов. Ещё несколько километров, и вдруг на автобане как будто выключили свет: темно, неуютно и одиноко. Оказалось, мы просто проезжаем мимо съезда на Дженин и западного сектора реки Иордан. Но сегодня нам туда не надо, туда нам надо будет через пару дней к моей очередной тётке. А вот и снова появились освещённые города, мы минуем Кесарию, развилку на Хайфу и уже около 22:00 въезжаем в верхний Нацерет, в котором обосновался двоюродный брат моей супруги. Приехали. «Это здесь родился НАШ мальчик, который стал ВАШИМ Б-гом?» - смеюсь я, не давая уснуть жене. У родственников нас ждёт чисто советское гостеприимство: стол накрыт так, что для всё новых и новых блюд сначала освобождается место в центре, откуда убираются на диван бутылки и хлеб, а затем маленькие тарелочки с закусками за неимением места ставятся просто на бокалы. Жаль, что время позднее, иначе можно было бы пригласить и накормить всем этим не только израильскую армию, но и многочисленных арабских соседей из нижнего Нацерета, где их больше 80 процентов.

Сон в комнате младшего сына с его автоматом в углу (он служит, но ночует дома) был коротким, утро - солнечным и сытным. И вот мы уже в пути из верхнего Нацерета, застроенного современными многоэтажными комфортабельными панельными домами с преобладающим «постсоветским» населением, в нижний арабский, где и находятся по странной израильской традиции все еврейско-христианские памятники культуры. Но по дороге мы посещаем ещё одну местную «достопримечательность» - русский магазин. Рассказ об этом достоин отдельной главы под названием: «Моё путешествие по русскому магазину, или что еврею

хорошо, то немцу...» - сами знаете. Думаю, Лидл и прочие Кауфланды сгорели бы от стыда и комплекса неполноценности, завидя ассортимент и размеры «магазинчика». В отделе салатов(!) я пристаю к продавщице Свете (её имя на иврите, арабском и русском написано на одежде) с просьбой разрешить прямо тут на раскладушке и поселиться, узнав от неё, что их, салатов, на витрине «всего лишь» сорок два, и один вкуснее другого!

А цены, цены! Всё за копейки! Но вот почему цен в своём магазине не знает кассирша, я не понимаю, иначе отчего за киевский торт, десяток салатиков (так, на пробу) и всякой вкуснятины по мелочам я плачу около 200 евро. Ах, это были цены за 100 грамм? Немая сцена, но... я, не роняя немецкого лица в еврейский салат, гордо расплачиваюсь MasterCard под смехи персонала и запоздалые разъяснения наших родственников, что сами они тут не покупаются - дорого; а ездят в нижний, к арабам, там всё в два раза дешевле.

Нижний Нацерет действительно другой, типично арабский: шумный, неторопливый, местечковый и на удивление вежливый и приветливый. Здесь не ссорятся с евреями, с ними торгуют, дружат, общаются - в общем, спокойно сосуществуют.

А вот и Храм Благовещения, тут деве Марии, пришедшей по тропинке к роднику за водой, сообщили архангелы, что она родит божьего сына. Родник на месте, тропинка тоже. Всё доступно, можно прикоснуться к истории. Мы омыли лица из родника, попили святой воды и набрали в бутылки для ближайших и дальних родственников. Дальше путь лежит к дому Иисуса, где он родился и вырос. Но туда не проехать - сплошные туристические автобусы. «Вы уже были в НАШЕМ еврейском доме и увидели НАШЕГО еврейского мальчика, да и не одного. Зачем вам дом ещё какого-то мальчика, к тому же уже неживого? Поехали, попьём лучше настоящий восточный кофе у знакомых арабов», - совершенно еврейская логика моего белорусского шурина-деверя. Как будто кофе мы у них дома попить не могли. Но кофе у знакомых арабов оказывается действительно очень вкусным.

А дальше нам в Хайфу, но не сразу, а через Мигдал-Хаемек, там у меня ещё одна тётя. Её муж, бывший полицейский, получил много лет назад камнем по голове во время арабской демонстрации, вышел на пенсию, ему выплатили компенсацию, на эти деньги он купил дом в этом маленьком цветущем пригороде Хайфы и живёт в своё удовольствие.

Поели, попили, пописали и снова в путь. Теперь уже в Хайфу под присмотром тёти. Бахайские сады с дорожками для бахайских Б-гов, порт, центр города, везде русская речь, кафешка со столиком у проезжей части - ощущение беззаботности, как будто приехал домой. И пляж. Мы отправились на тот, который в центре старого города, в районе локального проживания советских, в основном кавказских, евреев. Дома, похожие на «хрущёвки»; бабушки в расписных платочках, сидящие на лавочках у моря; компания молодых ребят, пьющих пиво с таранькой на ивритской газетке, разговаривающих на смеси иврита с русским матерным; кучки сопливых галдящих в песке у берега детей без присмотра - в общем, типичная одесская сценка советских времён. На душе уютно и в то же время щемяще-ностальгично. И хорошо, и грустно. Наши хайфовские родственники живут через дорогу, зовут на обед, но у нас нет времени. График. В путь, теперь уже на юг. Вдоль моря идёт второй автобан, на нём можно «разгоняться» до 130 км/час, и уже через час мы в Ор-Акиве, столице Кесарии. Здесь живёт папина сестра с семьёй дочери. Мы не виделись 12 лет, но как будто... После

обязательного ужина отправляемся в Кесарию – туда, где был крупный римский порт во времена царя Ирода. Сейчас там обычные развалины, возле которых построена куча ресторанчиков, заполненных до отказа по случаю Шабата. Большое ухоженное травяное поле между портом и развалинами самого города «заселено» в пятницу вечером многочисленными арабскими семьями с вездесущими детьми, расположившимися прямо на траве для своего своеобразного пятничного пикника-молитвы.

Нет, наш раскопанный Херсонес был не хуже. С этими мыслями мы уже снова в пути – ищем дорогу-выезд из Кесарии на автобан. Так, направо, но здесь проезд закрыт, частная территория, особняки. Охранник разъясняет на родном русском, что именно здесь находятся виллы Пугачёвой, Николаева, Крутого и подобных им крутых. Мы бы заехали к ним, но нас ждут в более приятных компаниях. Ещё полтора часа езды по ночному Израилю и мы снова в центре страны, в Нес-Ционе, у наших родственников.

Короткий сон, с утра мы торопимся, это у евреев сегодня суббота, а у нас график. Сначала на 700-метровую трёхэтажную виллу к матери мужа моей «...надцать-юродной» сестры на приём в честь субботы и немецких гостей (именно в этой хронологии), а затем на «территории». Да-да, именно туда, на восток, на «освобождённые» или «оккупированные» территории, в зависимости от интерпретации, вероисповедания и национальности говорящего. Дочь ехать категорически отказалась, осталась общаться с израильскими братьями на международном уровне, а мы в путь.

Ехать нам в Ариэль 80 км, почти сразу за Тель-Авивом начинается бесконечная каменная пустыня, ограждённая проволокой и видеокамерами, и совершенно непонятно, почему за эту безжизненную землю пролито столько крови. Ведь места хватит для всех, стройтесь, живите вместе, но... не получается. Мне объяснили, чтобы это всё понимать, надо здесь родиться и жить. Нет, здесь, на этих территориях я жить не хочу, я хочу к моей тёте, маминной сестре, живущей в Ариэле. Этот город, выстроенный на вершине горы в окружении арабских деревушек, из которых периодически постреливают, вызвал у меня чувство, близкое к катарсису: белый, современно-красивый, но абсолютно пустынный, безжизненный, будто вымерший. Чтобы привлечь сюда людей, здесь выстроили большой университет и снизили цены на жильё. Но даже студенты и преподаватели ездят сюда из Тель-Авива, а большинство «советских» пенсионеров, заселивших недорогие квартиры, живут неприметной скучной одинокой жизнью гетто. Выстроенный шикарный дворец спорта с ледовым катком и бассейном работает всего три месяца в году, да и то при этом только два раза в неделю. А в отличный большой современный театр приглашают на гастроли маленькие еврейские театральные коллективы (уровня ЖКО) из России, причём им же ещё и доплачивают за приезд именно в эти края. Грустно, непонятно, обидно. По дороге сюда я опять подумал, что израильтяне расслабились – не было знакомых по прошлому приезду танков и постов каждые два километра – и был неожиданно наказан за свои крамольные мысли на обратном пути. Пост на въезде из территорий в «свободный» Израиль за 20 километров до Тель-Авива. Перед нами две машины с арабскими номерами, на проверку каждой уходит секунд по тридцать. Теперь наша очередь. Я, улыбаясь, протягиваю наши паспорта молодому солдатику в солнцезащитных очках с автоматом; он вертит их в руках и, не понимая откуда мы, зовёт офицера. Полный неприветливый капитан снимает очки, смотрит на паспорта, спрашивает меня о чём-то, я отвечаю наугад: «Германи», и вдруг он что-то кричит на иврите. В этот момент кроме обычного закрытого

шлагбаума опускаются ещё два, а стоящие по двое с каждой стороны автомобиля солдаты, державшие оружие где-то на уровне колёс, внезапно направляют на нас дула автоматов, причём я успеваю заметить, что до наших голов примерно двадцать сантиметров, а их указательные пальцы находятся на спусковых крючках. Позже я узнал, что на таких постах, где в любой момент рискуешь жизнью, не шутят, и солдаты всегда готовы стрелять. Причём положение автомата в нескольких сантиметрах у головы с пальцем на крючке - это последнее перед выстрелом. Но всё это я узнал неделей позже, а теперь нам было не до смеха. Нас заставили выйти, открыть все двери и багажник, снять куртки, показать вещи: и всё молча и под дулами автоматов. И тут мне пришла спасительная идея. «Мы из Германии, но мы евреи, были в гостях у моей родни. Мы - евреи!» - кричу я радостно. Капитан вдруг тоже заулыбался, заговорил что-то на иврите, шлагбаумы открылись, нам помогли уложить назад вещи, а автоматы снова опустились до уровня колёс. «Счастливо!» - успела сказать на русском девочка-солдат, ещё несколько минут назад целившаяся мне в голову. Наверное, это была реакция на наши немецкие паспорта. И знаете что? Это странно, но я испытал чувство... нет, страха тоже, но в первую очередь гордости за эту страну, за этих девочек, готовых стрелять во врага, за их умение выживать, любить и ненавидеть.

Вечерний Тель-Авив в субботу вечером с ресторанами, кафешками, работающими в Шабат магазинами, вечерняя набережная, заполненная гуляющими семьями с детьми, исторически-сказочный Яффо - большой, современный, красивый и неповторимый город. «Белый город» ночью не белый, а искрящийся, праздничный, вавилонский, приветливый и беззаботный, заполняющий улицы и кафе счастливыми людьми. В общем, праздник, который всегда с тобой.

Следующий день - Иерусалим. Мы едем в гору - поднимаемся к Иерусалиму, как говорят здесь. Вечный город и... дочь, которая хотела кушать под мои рассказы о римских конницах, писать под описание истории Стены плача и уставшая от хождения по следам Иисуса на Виа де ла Роза. И она же, внезапно притихшая у самой Стены плача. А у меня в Синагоге Стены возникает благодное чувство при виде молящихся за всех нас раввинов. Мужчина, привезший маленького сына на встречу с Б-гом. И даже полицейский патруль, проходя мимо, касается пальцами стены. О чём они просят Б-га, известно только им и Ему. Чтобы вложить записку, надо тянуться совсем высоко, мест практически нет. Бесконечные желания вечных евреев...

Путь по арабскому кварталу - запутанному, шумному, торгующему, уставшему от нескончаемых расспросов «как куда пройти», и вот мы уже в Храме Гроба Господня. Я не поднимаюсь на Голгофу, мне хватает её и в жизни, а жена с дочерью, одев платочки, идут в Храм освещать свечи и иконки, купленные у входа.

Мы в пути по старому городу уже четыре часа, хочется есть, и мы идём в кафе у внешней стены. Столпотворение в очереди вавилонское, цены японские, качество китайское, сервис советский. Мы не взяли ни качеством, ни количеством, но готовы в путь. Назад я еду специально через весь город, через старый центр -хочется подышать его воздухом, послушать голос, потолкаться в пробках, увидеть не только исторически-парадную, но и повседневную сторону непростой жизни столицы Мира. Мы возвращаемся в Нес-Циону, заехав по дороге в Ришон в русский магазин: очередной киевский торт (их я съел за всю поездку штук десять, не меньше) и бутылка гранатового вина - ну не ехать же в гости с пустыми руками.

Поздний обед, он же ранний ужин у тёти, и мы снова в пути, теперь уже на юг, в

Беер-Шеву, столицу пустыни Негев, к нашим самым близким друзьям ещё со школы, с первого класса. Мы проезжаем Ашдод, Ашкелон (туда мы ещё заедем на обратном пути), сектор Газа. Освещённые хорошие дороги - и уже около 20:00 мы в Беер-Шеве. Оставив женщин пообщаться и приготовить ужин, мы с другом уходим погулять по городу. Такой небольшой мужской забег в ширину, нам нужно просто наговориться. Идём через еврейско-бедуинские старые кварталы, переходим через проспект, и вот мы уже в новом современном столичного вида центральном районе с ценами на жильё как на Манхеттене.

Через два часа за столом вся их родня, мы кушаем, общаемся, выпиваем до... почти до утра, и только благодаря моему врачебному умению не спать (и пить), мы уже в 10:00 выезжаем в направлении на самый-самый юг, в Эйлат с заездом на Мёртвое море. Всего через несколько километров от Беер-Шевы начинается пустыня Негев - это владения и территория бедуинов. Их, тёмных от солнца и одетых в рваное старьё, можно было бы пожалеть, глядя на хибары из картона, в которых они живут, если бы не современные джипы, спутниковые антенны и огромные солнечные батареи у каждой лачуги. Дорога, прямая как стрела, ведёт на юг, ландшафт становится всё более лунным, и вдруг впереди внезапно бедуин, переводящий спокойно через автобан стадо овец. Какое счастье, что скорость небольшая, тормоза хорошие, а то, что дочь проснулась от толчка, так это ничего, уснёт снова. Скопившиеся машины в обоих направлениях терпеливо ждут, пока он в своей нирване, покуривая, переведёт через автобан всё собственное богатство.

Мы проезжаем Димону - город энергетиков, построенный в пустыне рядом с непонятно чем. Израиль отрицает наличие у себя ядерного оружия, но кто им, этим евреям, поверит? Уж точно не мы. Все знают, что здесь находится атомный центр, тем более, что везде вдоль дороги колючая проволока и видеокамеры. И надписи на всех языках: «окна не открывать, не останавливаться, не фотографировать». И это не шутка. Израильтяне вообще не любители пошутить, когда дело касается безопасности. Нас друзья предупредили: в пути ничего из вышеперечисленного не делать, даже ради любопытства. Через пару километров обязательно остановит военный патруль, и в лучшем случае получишь штраф, а то и задержат до выяснения: для чего и для кого фотографировал. А мне после Ариэля уже не хочется повторения.

Мёртвое море - сюрреализм, помноженный на израильский прагматизм. Мы спускаемся к нему по головокружительному серпантину, всё в каком-то плывущем мареве, ни одной машины и марсианский пейзаж. И вдруг, словно из-под земли, вырастают совершенно безлюдные работающие заводы по переработке соли. Ещё пару километров, и снова безмолвная пустыня. И опять, также внезапно, за поворотом - отели. Шикарные, пятизвёздочные, одни из самых дорогих в мире. Рядом общественный пляж, вход бесплатный, зато парковка для автомобилей по цене, как недельный отпуск на Майорке. А так как без машины сюда не доберёшься, то и... вот, плати. Зато море - волшебное. Ласковое, тёплое, слегка маслянистое. Невесомое тело на воде, полное отсутствие мыслей и неисполненных желаний. Полчаса под душем, чтобы смыть всю соль и прийти в себя, и снова в путь. Нам ещё ехать по пустыне 200 км.

Эйлат - жемчужина, зажатая в самом маленьком уголке Красного моря между Иорданией и Египтом, размером с... полчаса из конца в конец, отели прямо у моря, 29° воздух, 24° вода. Солнце, море, отпуск, счастье и... израильтяне. У нас отель не из дешёвых, но в это время года гостей немного - так, парочка россиян, французов да мы. Поэтому государство и организывает в зимнее время поездки к морю

местных пенсионеров за практически бесплатно. От общения с этими коренными израильтянами мои эмоции за четыре дня трансформировались из неприемлемо-отталкивающих до любви к этим израильским старикам, многие из которых наверняка воевали за независимость родины и теперь наслаждаются морем за счёт СВОЕЙ страны. Дамочки за 70 в вечерних платьях и кроссовках на босых ногах; цивилизованный бедуин в кипе и с четырьмя жёнами; немолодой аид, поющий молитвы перед трапезой так громко, что слышно, наверное, даже в Иордании. Еду все набирают со шведского стола исключительно руками, ещё и облизывая при этом пальцы; толкают «молодёжь», чтобы пролезть к тарелкам без очереди, совершенная бесцеремонность в общении - всё вызывало у нас, привыкших уже «жить и выть по-волчьи», то есть по-немецки, абсолютный шок. Страх, что я незаслуженно так сильно идеализировал эту страну, начал заползать ко мне под кожу, но, всё становится на свои места во второй день. В фойе гостинцы находился рояль, и каждый вечер к нему подходил слепой невысокий и немолодой мужчина с признаками синдрома Дауна на лице. Он нащупывал палочкой стул у рояля, садился к нему, доставал телефон, набирал по звуку кнопок чей-то номер, говорил кому-то невидимому тихим голосом: «Шалом. Беседер. Шалом», мол добрался, всё хорошо, и... начинал играть. Если Б-г есть, то наверное его частичка жила в этом Музыканте. Как он играл! И классику, и блюз, и джаз, и какие-то собственные обработки популярной музыки. И знаете, отель замирал на эти пару часов. Куда девалась типично израильская говорливость и шумность! Затихали голоса, успокаивались дети, молодёжь уступала места пожилым. Казалось, все боялись дышать, чтобы не спугнуть это волшебство. А главное - это слёзы. Немало из этих так много переживших пожилых людей просто плакали. Может, вспоминали детство в концлагерях, а может, погибших за свободу страны товарищей, а может, от обычного стариковского спокойного счастья. И от музыки слепого пианиста с синдромом Дауна.

Такого я не видел нигде и никогда, и это примирило меня с ними, и уже на следующее утро перед завтраком я сам тоже весело насвистывал мелодию Битлз, засевавшую со вчерашнего вечера у меня в голове, как и мой сосед, громко поющий свою молитву перед едой.

Четыре беззаботных дня у моря, и мы снова в Беер-Шеве, а на завтра намечена поездка в Ашкелон к моему двоюродному брату. Собирается большая компания, мы едем в лес(!) жарить шашлыки, пить вино и отдыхать. Ашкелон находится на границе с сектором Газа, его часто обстреливают, но это ничего, почему-то совсем не страшно, мы совершенно не думаем об этом.

Моего брата не узнать - зарос: он похоронил две недели назад свою маму, поэтому по традиции не бреется и не стрижётся тридцать дней. А его сын служит в армии и именно в тех войсках, которые патрулируют границу с сектором Газа. Это он рассказывает все те «прелести» про автомат с пальцем на спусковом крючке и про то, что им разрешено стрелять сначала в ногу, а потом в голову. Это элитные войска, служить в них большая честь; берут не всех желающих, конкурс, как в мединститут в советские времена.

После шашлыков мы едем на красивейшую набережную Ашкелона, правда купаться холодно, вода «всего» 19°, мы заходим только по колено. В маленьком порту - марине - много яхт. Это европейцы, приезжающие сюда на всю зиму и живущие на воде по несколько месяцев. Море пахнет морем, хочется остаться здесь навсегда, в этом покое и умиротворённости, под этим солнцем и небом, среди этих людей и песчаных дюн.

Завтра мы улетаем, а сегодня, вернувшись из Ашкелона, посещаем ещё мою двоюродную сестру, работающую на трёх работах, чтобы помогать своим троим детям и четверым внукам. А вечером у наших друзей опять собирается компания приятных нам незнакомых людей, с которыми так комфортно и легко, что уже после третьей рюмки единогласно решаем переезжать жить в Беер-Шеву навсегда. Утром рано мы едем на кладбище к моей бабушке, папиной маме, дожившей в этой стране до 97 лет и похороненной здесь. Говорят, что Коинам (а я ведь по маме Коган) на кладбище входить запрещено, но сегодня мне можно всё. Дочь я взял с собой, она упирается, боится и плетётся сзади. А я иду к бабушкиной могиле, мы с дочерью смываем красную пустынную пыль с плиты, от нас, всех живых, кладем камушки на неё с надписью на иврите и русском, и я ещё остаюсь один с бабушкой на пару минут поговорить.

На израильских кладбищах нет оград, деревьев и помпезности. И поэтому всё очень тихо, спокойно и ... уютно, что ли. И не так траурно-безысходно, как на других.

И снова дорога. Нам ещё в Ришон-Лецион - один из самых древних израильских городов, к моему дяде. Третий и не последний экспресс-обед за сегодня (у нас мало времени) с обязательным тортиком.

Затем в Нес-Циону, там попрощаться с провожающим нас другом, переложить вещи в машину сестры, опять что-то кушать и успеть уехать в аэропорт.

Странно, но мы улетаем не с третьего современного терминала, а с первого. Того, уже почти закрытого, куда прибывала вся алия прошлых лет, куда прилетала и моя тётя, провожающая нас и всплакнувшая от нахлынувших воспоминаний. В старом терминале тесно, шумно, душно. Как тут умещался миллион желающих «вернуться» на родину? И везде ходят девочки из охраны, заглядывающие в глаза пассажиров. Это фейс-контроль, девушки обучены определять по глазам, по поведению подозрительных личностей и сообщать секьюрити. Я уже знаю, что этому учат в армии целых три года, и такой контроль осуществляется теперь уже чаще по видеонаблюдению, что, говорят, гораздо надёжнее всяких постов и проверки документов. Странно, но нас опять выдёргивают из очереди и разрешают пройти в зал без ожидания. Наверное, снова благодаря моим грустным семитским глазам, которые не хотят уезжать. И которые уже скучают по удивительно вкусной местной кухне, типично восточной необидной бесцеремонности израильтян, по их дружелюбному пофигизму и бесконечным «Беседер» и «Шалом».

Самолёт отрывается от земли и взмывает над Тель-Авивом. Мы увидели другой Израиль, с совершенно противоположных сторон, увидели, возможно, не так много исторических достопримечательностей, зато столько разных людей и судеб. Наши впечатления были противоречивы, менялись ежедневно и часто по очень крутой синусоиде, но одно осталось неизменным: удивление, почему они, несмотря ни на что, все так неподдельно счастливы; и гордость сопричастности к этой удивительной и единственной во всём мире и в своём роде стране, по-прежнему вызывающей у меня чувство теплоты и привязанности. И может быть где-то, на самом донышке, чуть-чуть сожаления, что я не там, и никогда там не буду.

Оставайтесь здоровы и счастливы и обязательно съездите в Израиль.

Ваш доктор Шаевич